

ея нѣжной теплой руки, и будто сама Раиса смотреть на него и улыбается своей милой улыбкой.

Когда онъ проснулся, было уже позднее утро. Раиса давно встала и ожидала мужа съ чаемъ въ столовой.

XXXVII.

Прягинъ серьезно поссорился на службѣ. Его патроны ограничилишъ шутливымъ замѣчаніемъ, когда онъ осенью загулялъ и нѣкоторое время не являлся въ контору. Уважали его бухгалтерскія способности и, кромѣ того, онъ былъ вкладчикомъ, и банкирскій домъ, какъ громко называла себя контора Гольденбаха, Антонова и К^о, былъ долженъ своему бухгалтеру до сорока тысячъ. Ссора произошла оттого, что Никодимъ Павловичъ не записалъ въ главную книгу процентныхъ бумагъ, общая сумма которыхъ показалась ему преувеличенною.

— Въ конторѣ никогда не было столько бумагъ, и я побоялся сдѣлать ошибку, — проговорилъ Никодимъ Павловичъ въ отвѣтъ на упрекъ Гольденбаха.

— Какъ не было? — закричалъ Гольденбахъ. — Есть! Я вамъ говорю, есть! Вы подозреваете меня — это новость, Никодимъ Павловичъ!

Гольденбахъ былъ худой, съ длиннымъ еврейскимъ носомъ, человекъ, съ бѣлой нѣжной кожей, огромными рыжими волосами и воспаленнымъ взглядомъ узенькихъ карихъ глазъ. Онъ былъ одѣтъ по модѣ, и его нервныя, съ крючковатыми пальцами, руки перебирали листы главной книги.

— Я не могу, я отказываюсь понимать ваши поступки! — продолжалъ горячиться Гольденбахъ. — Вы работали у папашы, вы столько лѣтъ работаете у меня, и вдругъ я вижу, что вы мой врагъ. Какъ это случилось, я не могу, я отказываюсь понимать! — повторилъ Гольденбахъ и заломилъ руки. — Хорошо, вамъ не угодно занести въ книгу?

— Въ свою очередь, я тоже отказываюсь понимать... — сказалъ Прягинъ: — я сейчасъ же занесу въ книгу желательную вамъ цифру, если вы позволите мнѣ только взглянуть на оправдательные документы.

— Этого никогда не будетъ! — вскричалъ Гольденбахъ.

— Не изъ каприза я такъ остороженъ, а по долгу службы.

— Да у кого же вы служите, батенька?